

Нао.

Это было имя, которое мне дали в этом мире. Имя, которым меня называли, на которое я откликнулась, которое носила уже много лет.

Оно было мне так же знакомо, как и мое прежнее имя.

Хотя, к сожалению, я уже не мог вспомнить свое прежнее имя. Если подумать, я вообще почти ничего не помнил о себе прежнем. Вначале я помнил его с такой ясностью, что мне было больно находиться в этом новом, незнакомом мире. Но теперь, боюсь, тот я уже давно канул в Лету вместе с другими призраками моего прошлого.

Старая я больше не нужна, и она ушла.

Новая я, нынешняя я, и есть автор этой истории.

Я слышал о других людях, оказавшихся в моей ситуации, и смутно припоминал истории и приключения, которые они рассказывали. Трудности и шрамы, с которыми им пришлось столкнуться; но в том мире (в моем мире) я еще не встретил ни одного человека.

Возможно, я скучал по ним.

Возможно, я просто был одинок в этом мире.

Впрочем, чужие слухи не имели значения. Одними лишь мыслями и домыслами ничего нельзя было изменить или сделать.

Этому я уже много раз учился в той (моей) жизни.

Я избавлю вас от ужаса моего рождения в этот мир, поскольку предпочел подавить воспоминания о беспомощности и страхе.

Я избавлю вас от первых нескольких месяцев борьбы с моим хрупким, недоношенным телом в больнице, где меня прощупывали и выкалывали существа в белом.

Я избавлю вас от первых двух лет моей жизни, когда я боролась с быстро прогрессирующей болезнью и чудом выздоровела.

Вместо этого я начну с того дня, когда меня впервые привезли домой из этого мрачного места, которое они смеют называть больницей.

Укутавшись в теплые одеяла, которые принесла мама, папа осторожно внес меня в дом. Мой дом - как они настаивали, чтобы я его называла, - был большим и странно оформленным. Я никогда не видела ничего подобного. Я смутно припоминал, что шепотом говорили о нем как о комплексе или поместье.

Внутри собралось множество людей, и все они казались мне очень странными. Слева от меня стояла группа крупных людей, справа - группа темноволосых, а в центре - светловолосые и оранжевые.

Среди толпы людей в большой комнате я узнала только одно лицо.

Моя старшая сестра.

Теперь я видела, что позади группы людей висел баннер. Вокруг были разложены еда - торт, мороженое, разноцветные продукты, которые я не узнала - стримеры, подарки, всевозможные другие лакомства.

Я была слегка ошеломлена и прижалась к папе.

Папа негромко захихикал, его сильные руки потянулись, чтобы усадить меня на пол.

Мне не понравилось такое расположение. На земле мне было небезопасно. Я вцепилась в одеяла, мне не нравилось, что они слишком велики для меня и сползают с меня.

В этот момент ко мне подбежала она, спотыкаясь, ее лицо светилось от радости, а бледные светлые волосы сияли в свете дома.

"Нао-чан!" - взволнованно воскликнула она.

Мое лицо тоже засветилось, по нему разлилось облегчение и счастье, когда знакомая (безопасная) фигура подошла ко мне. Крошечные руки обхватили меня, слишком маленькие, чтобы поглотить меня и большое одеяло. Мои руки были зажаты в одеялах и не позволяли мне обнять и ее.

Это мне не нравилось еще больше.

Я отпустил одеяла и обхватил ее талию своими хрупкими руками. Я крепко обняла сестру.

Когда я отпустил ее, то оглянулся и увидел, что на нас смотрят все. На их лицах мелькали

разные эмоции. У одних - облегчение, у других - радость. Было странно видеть такое количество эмоций, смотрящих на нас.

На моем лице отразилось замешательство, и я повернулся к маме.

У мамы всегда были ответы на мои вопросы.

Она улыбнулась мне, но это не было похоже на ту улыбку, которую я видел в течение последних двух лет. Та улыбка была напряженной, натянутой, (разбитой) грустной, а нынешняя - теплой и яркой. Мое смятение удвоилось.

Мама никогда не была так счастлива, когда смотрела на меня.

Осторожно она опустилась на колени на уровне моих глаз. "Нао-чан, сегодня твой день рождения".

Язык, на котором она говорила, такой чужой для меня вначале, теперь стал для меня второй натурой. В отличие от обычного, мне не нужно было насильно выдумывать слова, чтобы понять их.

"Хорошо", - сказал я, не имея ничего другого, что можно было бы сказать. Какая разница, что это был мой день рождения?

Сестра снова обняла меня. "Это первый раз, когда ты дома. Потому что теперь тебе лучше".

Я совино моргнула, глядя на всех. Они продолжали наблюдать за мной.

У меня возникло смутное ощущение, что они вычисляют меня, измеряют, помещают под микроскоп и изучают. Я чувствовала себя такой маленькой под их взглядами, такой слабой и беспомощной. Мое тело и так было хрупким от борьбы с болезнью, оно не могло выдержать большего.

Мои щеки потеплели, а глаза опустились вниз.

"Хорошо, - пробормотала я, натягивая одеяло и начиная снова укутываться им.

К моему неудовольствию, они захихикали.

☹

Через месяц после празднования дня рождения я обнаружил свою сестру на улице с папой на

нашем большом заднем дворе (тренировочной площадке).

Мое одеяло лежало в моей кровати, где оно и должно было остаться. Мама была недовольна тем, что я таскаю его с собой повсюду и пачкаю, но я возразила ей, что так я чувствую себя в безопасности. Когда меня спросили, как оно помогает мне чувствовать себя в безопасности, я ответила, что это его размер и то, что я могу в него влезть и исчезнуть.

Вместо одеяла она дала мне очень большую белую толстовку. Рукава были такими длинными, что волочились по земле, если я их не поднимал, длина его была такой большой, что он опускался ниже колен, а капюшон был таким широким, что вся голова терялась в нем.

Но мне это нравилось.

Маме тоже нравилось. Несмотря на то что оно было белым, оно редко пачкалось настолько, чтобы это было заметно. Мама объяснила мне, когда я спросила, что он сделан из особого материала чакры.

<http://tl.rulate.ru/book/114921/4460316>